

Пошли ей ангела...

Нина Искренко. О главном (Из дневника Н.И.). М., «Независимая газета», 1000 экз., с. 265.

XX век практически позади, и многочисленные издатели альманахов подводят его итоги, выпуская толстые поэтические антологии, где от обилия имен поэтов начинается рябить в глазах. Списки участников составляют в соответствии с личными пристрастиями, но есть среди них величины постоянные — поэты, которые переходят из антологий в антологию, что доказывает объективную ценность написанного ими. Среди таких констант — Нина Искренко, безмерно ушедшая от нас в начале 1995 года. Издательство «Независимой газеты» преподнесло всем любителям поэзии подарок, выпустив ее сборник, куда вошли стихи и проза, написанные поэтом в последний год жизни. Причем тексты этого сборника существуют почти без изъятов (составители С. Кузнецов и М. Шатуновский). Поэтому, думается, пришло время говорить о наследии поэта.

В свое время, когда Нина артистично и звонко читала свои тексты перед переполненными залами, многих зрителей шокировала нарочитая лоскутность услышанного. Часто стихи, начинаясь вполне традиционно, то есть обладая устойчивым размером и рифмой, вдруг проваливались в плохую ритмизированную прозу, а та в свою очередь обретала почти полную нечленораздельность, превращалась в лепет, обрывалась на полуслове, на музыкальном всхлипе, и Нине при выступлениях приходилось петь... Да и герой стихотворений часто являлся то призрачным люмпеном, то интеллигентом-неудачником, а где настоящее лирическое «я» поэта, представлялось тайной. Неизвестно, откуда взялась эта лоскутность, насколько серьез-

но она начиналась. Но поэзия, который задумывается о создании своего индивидуального художественного языка, понимает, что главное слагаемое на этом пути — последовательность. Даже глупость, сказанная однажды, остается лишь глупостью, но повторенная несколько раз, превращается в поэтический прием. Не говоря уже о настоящих открытиях — Искренко, в частности, вводит в литературную речь принцип оговорки. «Право на труд» превращается у нее в «Конституции» в «право на труп».

Во второй половине 80-х Искренко максимально развила свою «лоскутность», обозначив ее термином «полистилистика» и написав по этому поводу два стихотворения-манифеста. В этом плане книжка «О главном...» максимально лоскутна, полистилична. В ней присутствуют «настоящие» стихотворения, личный дневник, написанный в прозе, который касается трагических событий, происшедших в Москве осенью 1993 года, записи сновидений и, наконец, искусствоведческие размышления эссе о поэзии и искусстве. Причем читателя не покидает чувство органической целостности написанного. Задаешься невольным вопросом, а как достигается эта целостность, на каких «нитках» держатся разноцветные лоскуты?

Можно строить на этот счет множество догадок. «Лоскутность», например, графомана практически не поддается анализу. «Лоскутность» же мастера выстраивается в определенную картину, можно найти под ней серьезный контекст, вычленив его из написанного. По моему мнению, то, что придает стихам Искренко целостность, есть, как ни странно, конфликт.

Конфликт внутри души поэта, причем настолько острый, что иногда даже становится не по себе... Каков же он?

Искусство конца нашего века корчится между двумя оппозициями. Можно назвать их «маской» и «лицом». Или «костюмом» и «телом». Я буду называть их «подлинностью» и «мнимостью». «Подлинностью» мне представляется все, что делается в глубине души пишущего, экзистенциальная ситуация смерти, перед перспективой которой поставлен каждый из нас. А также вера и любовь. Под «мнимостью» я понимаю любую игру в персонажей, от имени которых может быть написан любой текст. Подобный персонаж или «личина» может почти полностью перекрывать лиризм автора, но зато присутствие этой обезьяны, этого ужасного двойника придает тексту изысканность, остроту, провокативность и возможность шокировать читателя — без последнего качества постмодернизм просто немыслим.

В сборнике «О главном...» этот конфликт достигает экстагической глубины, захватывает, поработает волю читателя. На одной стороне «картины», которую описывает Нина, мы можем встретиться с убийством и оргиастическим разбоем («Моя борьба»), можем познакомиться с «инокиней Нафиг» («Келья»), прочтя вызывающие строки:

*Уинокини Нафиг нет чулок
Но ей дадут кусочек пластилина
Она залепит им свою*

*сквозную рану
зияющую где-то между ног...*

Однако тут же у этих фантазматорий находится обратная, непридуманная сторона, подлинность фактов из жизни самого поэта, свя-

занная с болезнью и страданием:

*Я завтра не поеду никуда
Я буду дома целый день
Какое счастье
Меня не будут разделять на части
И на заряженные вешать провода...*

Книга «О главном...» разбита на месяцы, перед нами как бы проходит годовой цикл времени. Кульминацией поэтической части сборника можно назвать стихотворение «Пошли мне Ангела Господи Ангела...», которое представляет из себя страстную молитву Ангелу-хранителю, молитву совершенно искреннюю и лишенную какой-либо придуманности.

*Пошли мне Ангела Господи Ангела
Я утром встану подойду к окну
Пускай Он заметит меня одну
Совсем одну Без Ангела*

*Пошли мне творящую волю Твою
а не просто дождь...*

На мой взгляд, оно — из самых лучших не только в книге, но и во всей жизни Нины.

Рассуждая о «подлинности» и «мнимости», я, конечно, имел в виду не только столкновение между «лицом» и «личиною», но и между языческим и христианским типом сознания. Было бы слишком прямолинейно сводить его к борьбе авангарда и традиции. Искренко как бы «авангардист» — на это указывают и форма, и содержание многих ее стихов. Однако и христианские темы весьма ощутимы в ее книге. Что же побеждает?

Как многие поэты, Искренко уверена в приоритете художественного мира над так называемой реальностью. Но есть в ее дневнике и прямой ответ на вопрос, — что должно победить в описанном выше конфликте. Нина вводит понятие «симметрия» по отношению к

своему (и не только своему) творчеству: «Вспомним, что стремление к симметризации ситуации есть, с одной стороны, стремление к мировой красоте и гармонии, а с другой — к максимальному мировому беспорядку, хаосу, смерти. То есть витязь на распутии с тоской глядит на указатель с перепутанными стрелками, чувствуя, насколько симметричными (гармоничными, блин) становятся сами понятия нормы и патологии — в том смысле, что граница между ними почти неразличима, ибо тождественно совпадающие их общие части (интересы, мотивы, приемы) оказываются настолько существеннее того, что их отличает друг от друга, что различием этим, кажется, можно уже и пренебречь».

Я думаю, что здесь все сказано. И не только по отношению к ее собственным текстам, но и ко всей «новой литературе», представителями которой являются сегодняшние сорокалетние. Конфликт никак не разрешается. Не должен разрешиться, потому само наличие его придает творениям полноту, жизненную силу...

Поэзия Нины Искренко запечатлела с полнотой и убедительностью все то, чем мучается наша словесность, чем раздрается последние двадцать лет. В отличие от литературного мира многих «шестидесятников» этот конфликт отнюдь не социальный, а культурный, языковой, мировоззренческий. Гармоническая «лоскутность» ее стихов была оплачена жизнью.

Подобная трагическая «симметрия» — верный признак того, что поэт состоялся.

Юрий АРАБОВ

Общая газета. - 1998. - 9-15 апр. - с. 10

86.04.98

Искренко Нина